

DOI 10.18522/2227-8656.2025.1.13
EDN QYFJKZ

*Г. Г. Силласте
А. С. Арутюнян*

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ КУЛЬТУР:

размышления о книге коллег «На переломе веков: социодинамика российской культуры»: [монография] / М. К. Горшков, С. Н. Комиссаров, О. И. Карпухин; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2022. – 703 с.

Данная рецензия – это размышление социологов о М. К. Горшкова, С. Н. Комиссарова и О. И. Карпухина. Размышления построены в форме семи социологических сюжетов, каждый из которых сконцентрирован на определенной проблемной ситуации или проблемном социальном факте: 1 – противоречия, имеющие тенденцию к накоплению; 2 – три вектора социологического познания культуры; 3 – феномен культуры бедности и эстетические девиации; 4 – культурный капитализм и его реализация в культурных практиках; 5 – феномены демократической революции и революционные ценности; 6 – конфликтогенность культур и культурной травмы общества; 7 – тезис о возрастающей власти медиаиндустрии в формировании культурных ценностей в эпоху формирования нового социального порядка. Поставлены вопросы об исследовании культуры как социального феномена, социального института, социальной сферы и многообразного пространства социальной деятельности разных социальных сообществ.

Сюжет 1. «О русской культуре замолвите слово»...

И наши коллеги из ФНИСЦ РАН М. К. Горшков, С. Н. Комиссаров и О. И. Карпухин его замолвили, издав коллективную монографию «На переломе веков: социодинамика российской культуры»¹.

¹ На переломе веков: социодинамика российской культуры: [монография] / М. К. Горшков, С. Н. Комиссаров, О. И. Карпухин; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2022. – 703 с. – DOI: 10.19181/monorg.978-5-89697-390-4.2022. – ISBN 978-5-89697-390-4.

Само название книги содержит скрытый авторами подтекст: тема дискуссионная, противоречивая и, как это бывает во время слома эпох, конфликтотенная, в которой ракурсы анализа и осмысления могут быть разные и даже противоположные. Как известно, самым распространенным аналитическим подходом в сравнительном анализе, в том числе и эволюции социальных процессов, является простейшее сравнение по оси «было – стало».

Мы же в своих размышлениях методологически будем опираться на парадигму модусов социального времени, которая позволяет оценить сложные социальные изменения и их последствия в трех модусах: модусе прошлого социального времени, в модусе настоящего и в модусе будущего социального времени. В нашем анализе это оценка эволюции социальных процессов в России от социалистической к рыночной экономике – во время ее транзаций и, как постфактум – оценка последствий этого сложного деструктивного перехода.

Предметом социологических размышлений мы выбрали два «пиковых» периода, которые особо остро поставили вопросы развития института культуры в неординарно изменяющемся обществе и, словами З. Баумана, их можно идентифицировать с обществом в состоянии «текучей современности» (Бауман, 2008).

Будем исходить из социологического посыла, что культура – *это и социальный институт, и социальный феномен; это социальная сфера и многообразное социальное пространство деятельности самых разных социальных сообществ, социальных групп и личностей*. Поэтому анализ положения института культуры в изменяющемся обществе, содержания самой культуры будем вести с позиций полипарадигмального подхода. И еще одна ремарка: культура как социальный феномен в своей основе – это триада: *мировоззрение – духовность – идеология*. Поэтому культура – это своего рода духовно-нравственный инструмент социальных преобразований, сохранения и передачи «социального настоящего» исторически сложившихся традиций и духовных ценностей нации в эпоху перемен. С этих позиций мы и подойдем к анализу результатов творческого осмысления нашими коллегами процесса социодинамики российской культуры на переломе XX и XXI веков.

С позиций модуса прошлого социального времени ответим на вопрос «*Чем исторически это время отличается от социального настоящего?*»

Сюжет 2. Противоречия имеют тенденцию к накоплению

Через все повествование монографии проходит анализ влияния «демократических реформ» 90-х годов на постсоветское развитие российского общества. Спустя три постсоветских десятилетия, в политических, научных и интеллигентских кругах оформилась твердая убежденность, что произошедшие реформы коренным образом изменили не только политику, экономику, но и саму культуру российского общества. Тем не менее, как справедливо

отмечают авторы, «...только четверть населения считает, что после 1991 года Россия пошла по “правильному пути”, а треть вообще воспринимает произошедшее как “трагедию”» (Горшков и др., 2022. С. 84).

Очевидно, что длительный переход России к рыночной, а точнее – ее насильственный возврат к капиталистической экономике, сопровождавшийся социальной неустойчивостью, противоречивостью, обожествлением либертарианства в экономике ведущим теоретическим законом того времени, стал своего рода живой иллюстрацией действия в социуме известного философского закона Гегеля «отрицание отрицания» – одного из основных законов диалектики. Как известно, он характеризует направление, форму и результат процесса развития. Согласно данному закону, развитие осуществляется циклами, каждый из которых отражает три стадии эволюции (трансформации) общества: исходное состояние, его превращение в свою противоположность, превращение этой противоположности в свою противоположность. Теперь России можно не искать чужие исторические примеры: слишком горько наглядным стал свой собственный.

Реверсивный возврат к социальному прошлому в форме отказа от социалистической модели развития экономики и перехода к капиталистической воплотил собой растянутый во времени и крайне болезненный для общества этап *транзитивной экономики*, длившийся до 2018 года, ознаменовавший в мировом масштабе переход к экономике инклюзивной. Транзитивная экономика продемонстрировала свой разрушительный характер: долгосрочные негативные последствия для жизнедеятельности абсолютного большинства россиян и насильственную смену духовно-ценностного кода российского общества.

С этой точки зрения авторы раскрывают влияние экономических факторов в условиях экстремального развития общества на институт культуры как на один из наиболее чувствительных социальных институтов общества. Не будет преувеличением сказать, что если институт экономики – это мощный драйвер кардинальных изменений в общественной системе, то институт культуры – это нерв общества как социального организма.

Авторы монографии на базе эмпирических социологических фактов приходят к обоснованному выводу о том, что, несмотря на огромный разрушительный экономический и мировоззренческий «эффект» реверсивного движения российского общества 1990-х – начала 2000-х годов, «...капитализм в России так и не стал всенародным делом. В общественном сознании присутствует огромный массив ценностей, которые определяют социалистический образ жизни, таких как социально-классовое, национальное и культурное равенство, представление о труде как важнейшей естественно-исторической и социальной ценности» (Горшков и др., 2022. С. 184). Вместе с тем тезис авторов о безусловной ценности труда можно считать весьма полемичным, особенно в молодежной среде, где весьма распространенным

является мнение о том, что вынуждены трудиться в нашей стране «далеко не самые умные и успешные люди». Это перекликается со своего рода народным афоризмом: «Если ты такой умный, то почему тогда такой бедный?»

Сюжет 3. Три вектора социологического познания культуры

Читая фундаментальный труд коллег, мы выделили три вектора их подхода к анализу социальных изменений в сфере культуры. С позиций *первого* – культура как определенная отрасль социологического познания. *Второй* – о транзитивности трансформаций института культуры в эпоху перемен. Вектор *третий* – анализ социальных «гримас» культуры в модусе настоящего социального времени. В этом контексте анализ авторов хорошо иллюстрирует эпиграф Франсуа де Ларошфуко «*Куда полезнее изучать не книги, а людей*».

Для такого изучения коллеги предложили разносторонний анализ богатой эмпирической базы многочисленных социологических исследований, как собственных, так и своих коллег из разных социологических центров, осуществленный с позиций «социологии культуры» как частной социологической теории, «теории культурологии», включая «философию культуры», а также развития методологических посылок российских и зарубежных исследователей.

Авторы правы, когда пишут о «*многомерных проявлениях культуры в массовом сознании и поведении*». Трудно не согласиться и в том, что культура – это одна из «вечных» и самых «мучительных» тем человеческого познания, далеко не всегда оперировавшего при этом культурологическими категориями. При этом справедливо отмечается, что «*объект исследования у философии, социологии культуры и других наук, входящих в культурологический пантеон, один: культура со всеми ее магистральными направлениями и мельчайшими закоулками, яркими взлетами художественных гениев и, говоря словами И. Бунина, “темными аллеями”, человеческих взаимоотношений*».

Именно с этих позиций монография и дает анализ социодинамики российской культуры на переломе веков. При этом авторы образно подчеркивают, что «*социологию культуры интересует не конъюнктурная “рябь” океана на поверхности общественного настроения, а глубинные течения духовной жизни общества, определяющие путь, по которому будет оно будет жить дальше*», уходя из социального прошлого в социальное настоящее. Проще говоря, с позиций авторов, *предмет социологии культуры – это ее социальное бытие в синхроническом и диахроническом аспектах*.

Мы поддерживаем позицию коллег в том, «*социолог изучает не художественные достоинства или недостатки произведений искусства или творчества их авторов, а социально-экономическую детерминацию любых проявлений культуры с одной стороны, а с другой – социальный резонанс созданных художественных ценностей; не новизну художественных форм или*

оригинальность творческих решений, а "социальные волны", исходящие от искусства и влияющие на художественное отражение реальности и специфику культурного поведения различных социальных групп».

Таким образом, методологически монография раскрывает культуру в нескольких теоретических ракурсах. *Во-первых*, как «творческую деятельность по освоению мира, в процессе которой производятся, сохраняются, распределяются и потребляются социальные ценности и нормы; а также совокупность самих этих ценностей и норм, опредмечивающих творческую деятельность людей». Этим теоретическим положением авторы развивают позиции советских социологов Уральской социологической школы – Ю. Р. Вишневского и Л. М. Когана, всестороннее анализировавших человеческую деятельность как один из феноменов культуры.

Во-вторых, культура рассматривается как один важнейших социальных институтов, развитие которого придает «социальное лицо» всему обществу на каждом этапе его эволюции, так как, говоря словами М. С. Кагана, «культура обнимает все, что творит субъект, осваивая мир объектов, очеловечивая окружающий мир и самого себя». Так всеобъемлюще интегрируется системный подход в анализ человеческой деятельности в изменяющихся социальных экономических и социокультурных условиях.

В-третьих, теоретический акцент подхода авторов к исследованию культуры и ее социодинамики опирается на теорию социальных изменений П. Штомпки, ибо исследуется социально-динамический процесс развития культуры и ее закономерностей, динамики и трансформаций на протяжении конца XX века – и начала XXI века.

С позиций такого методологического триединства авторы ведут социокультурный анализ того, как российское общество выросло «из "детских штанишек" экономического детерминизма, механического подчинения неповторимой человеческой индивидуальности диктату социальной и политической целесообразности».

Акцентируясь на положении, что «социология культуры» – одно из самых ярких направлений социологической мысли, авторы раскрывают сложность культуры как объекта для изучения всех наук культурологического цикла, т. к. социология культуры включает социологию всех видов искусства (театры, кино, музыки, литературы). В настоящее время в ареал анализа вошло и многообразие проявлений культуры в системе общественных и межличностных отношений, резко изменившихся в условиях нового социально-информационного мегапространства. Это пространство породило и продолжает привносить новые ценности, нормы и мотивы человеческих поступков, эстетические предпочтения и вкусы, формы культурного поведения развивающихся в России и ее регионах в социальных, возрастных и социогендерных группах.

Сюжет 4. «Культура бедности» и эстетические девиации

Культура в эпоху глобализации породила такое явление как «культура бедности». Это понятие было введено американским антропологом-социологом О. Льюисом в 60-е годы XX века. Культура бедности рассматривается им как субкультура и характеризуется противостоянием с «большой» общепринятой культурой. Надо заметить, что фундаментальной причиной культуры бедности О. Льюис считал «западный социальный порядок». Согласно интерпретации Льюиса, субкультура бедности – это способ адаптации к их маргинальному положению в классово-стратифицированном капиталистическом обществе с ярко индивидуализированной культурой¹. При этом Льюис неоднократно отмечал, что жизнь в бедности не равна принадлежности к культуре бедности.

Более того, культура бедности – понятие по своему содержанию шире, чем просто недостаток финансовых ресурсов и невозможность удовлетворить свои потребности. Речь идет о другом, что в ряде случаев люди, которые долго живут в бедности, усваивают определенный набор ценностей и установок, которые в значительной мере и определяют их поведенческие действия и могут передаваться новым поколениям. Не будем останавливаться на тех 70 характеристиках существования культуры бедности, о которых пишет Льюис, но проведем некоторые векторные связи между субкультурой бедности и эстетическими девиациями, имеющими место в нашем обществе и отражающими неполноценную жизнь в культурном плане.

Это может быть недоступность культуры, вдвойне усугубляемая бытовыми проблемами и сложностью жизни в регионах. В этом случае речь может идти о том, что *«в эстетическом сознании россиян часто доминирует сочетание несочетаемого. Например, интерес к советской эстраде и современным музыкальным шоу типа “Голос”, к русской классике и к детективам»* (Горшков и др., 2022. С. 183). Неравенства, сложившиеся в доступности населения к лучшим образцам национальной и мировой культуры в форме спектаклей, кинематографа, выставочных экспозиций, являются сегодня гордиевым узлом не только показателей социально-экономического развития страны, но и уровня всей российской культуры.

Сформировался специфический феномен, где доступность и ценностная составляющая культуры стали коррелировать напрямую с доходами. Не случайно, авторами проводится тщательный анализ состояния материально-технической базы культуры (библиотек, театров, кинотеатров и др.) не только с помощью количественно-качественных показателей, но и с позиции их доступности. *«Яркой иллюстрацией коммерциализации искусства является*

¹ Культура потребления и культура бедности (по О. Льюису). – URL: <https://pocolab.ru/science/education/sociology/tpost/83kxvtfde1-kultura-potrebleniya-i-kultura-bednosti> (дата обращения: 04.12.2024).

пример с продажей билетов на открытие новой сцены Большого Театра в 2011 году, когда билет на спектакль стоил... 2 млн руб.» (Горшков и др., 2022. С. 441).

Культура бедности как экономподруга феминизации бедности

Говоря о культуре бедности, считаем, что было бы полезно обратить внимание на прямую связь этого явления с феминизацией бедности в России. Именно на долю женщин в возрасте от 31–54 лет приходится 21 % малоимущего населения. Как неоднократно показывают результаты социогендерных социологических исследований, рождение ребенка в российской семье существенно снижает уровень жизни, особенно молодых семей. По данным социогендерных исследований научного коллектива «ГалСи» (Финансовый университет при правительстве РФ), процесс феминизации бедности в российском обществе является социальным фактом, требующим последовательных мер со стороны государства по преодолению этого явления (Силласте, Круглова, 2023. С. 190).

Объективные различия в уровне жизни населения страны определили расхождение образов жизни у разных социальных слоев, профессиональных, этнических и религиозных групп, нашедшее свое проявление не только в неравенстве жизненных шансов, но в самом характере культурно-творческой деятельности. «Процесс поляризации российского общества приводит к тому, что у двух противостоящих “лагерей” не сопоставимы не только размеры состояний, метраж квартир и цена автомобилей, но и, что намного важнее, идеи, ценности, цели в жизни и образцовые “герои”, вкусы и формы поведения досуга» (Горшков и др., 2022. С. 435).

Для россиян культурные мероприятия (выход в театр, посещение экспозиции в музее, поход в оперу) нередко остаются культурной и материальной привилегией, а одновременно и демонстрацией «псевдостатуса». Бедность ограничивает посещение многих престижных культурных мероприятий, билеты на которые недоступны абсолютному большинству россиян. Усиливает дифференциацию материальной возможности и тип градопроживания. Как известно, доступность посещения таких мероприятий в мегаполисах и даже в среднем городе далеко не одинаковая, не говоря уже о малых городах и сельской местности.

В нашем обществе есть целые группы, слои населения, которые не только в общем и в целом исключены из культурной жизни (походы в театр, музей, выставочные экспозиции, оперы и т. п.), а потому им попросту уготована роль потребителей различных синтетических форм культурных симулякров (телевидение, желтая пресса, интернет). Очевидно, что, если 42 % бедного населения просто-напросто не удастся пользоваться никакими платными услугами в течение трех лет, то не понятно, о каком росте культурного уровня населения можно вести речь в таких условиях.

С другой стороны, лишь 6 % богатым уготована роль профильных пользователей. По сути, мы сегодня имеем дело с оформившейся в России элитарной культурой.

С культурой бедности, на наш взгляд, связана и мимикрия представителей различных деятелей культуры. *«Речь идет не только и не столько о количественных параметрах, сколько о качественном изменении основополагающих ценностей и критериев искусства, установок и ориентиров творческих устремлений художника»* (Горшков и др., 2022. С. 170).

Сюжет 5. «Культурный капитализм – «демократическая революция» и «революция ценностей»

Авторы книги, обращаясь к анализу глобализации массовых коммуникаций, апеллируют к работе Дж. Рифкина «The Age of Access» («Эра доступа»), который выдвинул понятие «культурный капитализм». В качестве основы этого понятия он рассматривает *«предпринимательскую инициативу, культуру умений, которая в условиях глобализации массовых коммуникаций распространяется от товара или услуги к сервису, т. е. к обслуживанию этого товара»* (Горшков и др., 2022. С. 209). При этом потребителей и производителей объединяют такие отношения, которые становятся условием эффективности бизнеса. Однако главными предметами продажи в капитализме являются стиль и образ жизни.

Это небезынтересная идея для ее анализа в контексте культуры и культурных практик. Культурные практики можно рассматривать как ценностные ориентации национальных меньшинств, этнических групп и сообществ. Контраст культурных практик особенно ощутим в этнических сообществах, что показывает развитие социокультурных контактов среди молодежи разной этнической принадлежности.

В 1990-е годы в истории развития нашей страны прошлого столетия ознаменовали собой, с одной стороны, развал социалистической экономики, а с другой – тяжелейший переход к развитию в условиях транзитивной экономики. По сути, это было начало нового исторического этапа «нового российского общества», в котором переход к транзитивной экономике и ее развитие сложно переплетались с транзитом культурных и гуманистических ценностей западных экономик, с последующей репликацией культурных практик в изменяющем свою социальную суть «новом обществе».

По нашему мнению, массовый отказ россиян от традиционных смыслов, социальной и духовной справедливости, культурных и моральных ценностей имел несколько измерений. В политике – это возврат к капиталистическому обществу; в экономике – отказ от социалистического хозяйствования и возврату к капиталистической экономике через ее транзитивное развитие; в культуре – это смена национального культурного кода.

В идеологическом контексте нередко этот период становления постсоветского общества идентифицируют с «соросовским» периодом. И этим, надо признать, очень многое объясняется. Именно в этот период индивидуализм нового типа, ранее распространенный в отдельных кругах номенклатуры, интеллигенции, начал формироваться в свои «мини-идеологии». В дальнейшем это обеспечило условия для формирования особого типа элит в постсоветской России, которые можно определить как «сервисные элиты».

Их рекрутирование в постсоветской и современной России остается подчиненным интересам развития транснационального бизнеса. Если в случае с наиболее образованными группами населения в 1990-е годы выстраивание подобного диалога с корпоративными структурами в рыночной среде имело характер прагматического интереса, то в случае с «широкими народными массами» ситуация носила иной характер.

Ведь для «...для основной массы населения внедрение свободы по американским лекалам носило формально-демагогический характер. В сфере экономики она привела к бесконтрольному разграблению общенародной собственности, начиная с недр, а для обычных граждан свелась к возможности продавать собственные, так сказать, наличные ресурсы (интеллект, талант, даже тело) – преимущественно по демпинговым ценам» (Горшков др., 2022. С. 259).

Авторы книги правы, когда отражают весьма распространенную в России точку зрения очень большой части населения, что под контролем государства, а не бизнеса должны находиться «...все стратегические отрасли экономики, социальная сфера, призванная обеспечивать здоровье и благополучие нации, а культура в этом перечне предполагается, что называется, “по определению”. В отечественном “культурном коде” коренится и отношение россиян к частному предпринимательству и вообще к деньгам, которое существенно отличается от западного, восходящего к протестантской этике» (Горшков и др., 2022. С. 217).

Согласны с авторами в том, что «...становится все более массовой стандартизированная культура, нивелирующая не только национальную, региональную специфику, но и неповторимость личности, осваивающей культуру» (Горшков и др., 2022. С. 237).

Безусловно, политические реалии во многом определяют непосредственно бытие культуры и задают рамки социальной свободы как социального института, с одной стороны, а с другой, «...политика любого государства строится на основании менталитета, подчиняется критериям и оценкам, выработанным в культуре данного народа и народов» (Горшков и др., 2022. С. 255).

Авторы отмечают, что для «россиян демократия – это некий идеальный образ того, чего бы хотелось» (Горшков и др., 2022. С. 256). Однако «“де-

мократическая революция” не привела к “революции ценностей”, потому что вскоре выяснилось, что демократия сама по себе не гарантирует роста жизненного уровня населения, не спасает от административно-бюрократического произвола. И быстрое разочарование в ценностях не заставило себя ждать» (Горшков и др., 2022. С. 256).

**Сюжет 6. Коллективизм как духовный стержень русских людей:
проиграла ли Россия войну символов?**

Историческая «инновация», которая вошла в историю как смена политического строя в СССР и развал советского государства (причем со скоростью, которой не могли ожидать наши идеологические оппоненты), позволила госсекретарю США Хейгу произнести в начале 1990-х годов знаменитую цитату: «Россия проиграла войну символов» (Горшков и др., 2022. С. 204). «Две супердержавы воевали – или противостояли, как хотите, – не только в корейском небе, в горах Афганистана, в глубинах Мирового океана, но и на киноэкранах, в музыкальном и телеэфире, на арт-выставках и на страницах печатных изданий – потому что любые символы – слова и краски, звуки музыки и архитектурные формы – несут не только эстетическую, но и огромную ценностно-смысловую нагрузку» (Горшков и др., 2022. С. 204).

Глобализация и макдоналдизация, начавшие свое победоносное шествие в эпоху «нулевых», низвели до примитивизма творческую свободу, доведя ее смысловую и ценностную составляющую до провокационного эпатажа и радикального перформанса. «Культурные провокации» вошли в разряд отдельного ремесла в искусстве и стали возможными благодаря агрессивной коммерциализации культуры. Ведь основой всему стало возведение в ранг абсолюта критерия экономического успеха постановки, концерта, киноленты. Рынок как объективная реальность внес радикальные изменения в саму художественную-творческую сферу.

Изменилось и предназначение культуры. Под влиянием которой могла возникнуть цельная и гармоничная личность, измеряющая свои жизненные достижения не только экономическим аршином, но и способностью к рефлексии, желанием и умением развиваться для себя, а не под воздействием клишированных медийных образов.

В США и в странах ЕС на фоне СВО стала активна распространяться идеология русофобии, эффективным инструментом которой стало создание стереотипных образов и откровенных фейков. Такая тактика использовалась и задолго до начала СВО. Но если ранее ее «впрыски» в западное общественное сознание происходили микродозами (кинематограф, сериалы, компьютерные игры и др.), то на фоне укрепления позиции России произошла резкая интенсификация их ретрансляции через медиаиндустрию. Ведущим идеологическим лейтмотивом стала «демонизация» русских и России, ревизия так называемых универсальных ценностей.

Как отмечают авторы монографии, *«несопоставимый даже с недавним прошлым объем культурной информации порождает проблему выбора в нарастающем информационно-культурном хаосе, все в большей степени обретающем характер “дурной бесконечности” в культуре, способной нарушить целостность культуры не только определенного социума, но и личности»* (Горшков и др., 2022. С. 131).

Разовьем эту идею и признаем, что расчет на ослабление российской государственности должен был неизбежно усилить непредсказуемость дальнейшего социокультурного развития страны и спровоцировать борьбу разных подходов: от слепого копирования ценностей западного мира до апологетики изоляционизма и замкнутости на неких «сверхценных идеях» русской культуры. Это в итоге должно было привести к мифологизации единой российской культуры. А это уже не просто риск. Это опасная угроза духовному единству российской культуры и ее многонациональной самобытности.

На наш взгляд, механизмом противодействия стал дискурс «русского мира», переживающий своеобразный ренессанс. Его ярким аккордом можно считать подхлестнувшую чувство патриотизма архипопулярную песню «Я – русский», которая звучит во всех национальных музыкальных чартах.

Проблема «русского вопроса» является не только притягательным электоральным лозунгом на протяжении трех десятилетий, но, по сути, центральной темой национального самоопределения. Речь идет не о принадлежности к какому-то конкретному этносу, а в первую очередь это касается языковой сферы культуры. Достаточно обратиться к термину «культура отмены».

Сюжет 7. Конфликтogenность столкновения культур как форма культурной травмы, которую нужно преодолеть

Заканчивая наши социологические «размышлизмы» над интересной и многогранной фундаментальной монографией коллег, отметим ключевой вывод из анализируемого научного труда: в России модуса настоящего социального времени продолжается реверсивный переход к агрессивной коммерциализации всех сфер социальной жизни.

Этот процесс сопровождается обострением столкновения двух ценностных систем и духовно-культурных парадигм: советской и западной. Парадоксальность ситуации заключается в том, что подавляющая часть взрослой, социально зрелой части населения пережив «культурную травму», все еще остается носителем и ретранслятором традиционных культурных и духовных ценностей, поддерживаемых их ближайшим социальным окружением (семьей, близкими людьми, родителями).

Неприятие частью россиян современных образцов культуры (особенно в медиасреде) резко контрастирует с их ценностными представлениями о «добре» и «зле». Авторы монографии выдвигают на передний фланг культурный код советских поколений. Если обратиться к теории К. Рапая,

«...основанной на теории импринтинга, то запечатленные в детстве образы влияют на то, как мы воспринимаем различные явления во взрослой жизни, какие у нас есть ассоциации с тем или иным предметом, событием и так далее» (Горшков и др., 2022. С. 82).

Если и далее использовать теорию К. Рапая для объяснения произошедшей культурной травмы российского общества 1990-х годов и смены культурного кода советского поколения, то мы имеем факт столкновения культур, их духовных основ и групповых интересов.

Для россиян 50+ культурные мероприятия, будь то выход в театр, посещение экспозиции в музее, поход в оперу, это – не привилегия и не демонстрация «псевдостатуса», а естественная возможность цивилизованного человека. Такая социокультурная жизнь возможна лишь благодаря целенаправленной политике государства в этой сфере. Ведь советская культура активно противостояла становлению «манкуртизма», духовной скудости и примитивному потребительству. Однако в условиях глобализации социальные пороки, с которыми так упорно боролась советская власть, в настоящее время являются драйверами развития целых индустрий на многие годы вперед.

Бесспорно, формирующаяся культура XXI века резко отличается от традиционной культуры XX в. Это различие будет, скорее всего, не сокращаться, а усиливаться в силу возрастающей власти медиаиндустрии и укоренения в массовом сознании клипового мышления и его технизации. Но – это же материал для обобщения нашими будущими коллегами.

Список источников

Бауман З. Текущая современность / пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. – Санкт-Петербург: Питер, 2008. – 240 с. – ISBN 978-5-469-00034-1.

Горшков М. К. На переломе веков: социодинамика российской культуры / М. К. Горшков, С. Н. Комиссаров, О. И. Карпукхин. – Москва: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2022. – 703 с. – ISBN 978-5-89697-390-4. – EDN ZNLAIZ.

Силласте Г. Г. Феминизация бедности и ее социальные риски в условиях транзитивной экономики и нового гендерного порядка: опыт странового измерения / Г. Г. Силласте, Е. Л. Круглова. – Москва: Прометей, 2023. – 364 с. – ISBN 978-5-00172-403-2. – EDN HFNCSSG.

References

Bauman Z. Liquid Modernity. Trans. from English edited by Yu. V. Asochakov. *SPb.: Piter = St. Petersburg: Piter*. 2008; 240 p. ISBN 978-5-469-00034-1. (In Russ.)

Gorshkov M. K., Komissarov S. N., Karpukhin O. I. At the Turn of the Century: Sociodynamics of Russian Culture. *Moskva: Federal'nyy nauchno-issledovatel'skiy sotsiologicheskiy tsentr Rossiyskoy akademii nauk = Moscow: Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences*. 2022; 703 p. ISBN 978-5-89697-390-4 (In Russ.).

Sillaste G. G., Kruglova E. L. Feminization of Poverty and its Social Risks in the Context of a Transition Economy and a New Gender Order: Experience of Country Measurement. *Moskva: Prometey = Moscow: Prometheus Publ*. 2023; 364 p. ISBN 978-5-00172-403-2 (In Russ.).

История рецензии:

Поступила в редакцию – 28.11.2024

Одобрена после рецензирования – 25.12.2024

Принята к публикации – 26.12.2024

Силласте Галина Георгиевна

профессор социологии, доктор философских наук,

Заслуженный деятель науки Российской Федерации,

профессор – исследователь и руководитель

Научной школы «Гендерная и экономическая социология»

Финансового университета при Правительстве РФ,

Председатель Исследовательского комитета «Гендерная социология»

Российского общества социологов

Арутюнян Армен Сергеевич

старший преподаватель кафедры социологии

Финансового университета при Правительстве РФ